

МЕТОДОЛОГИЯ

УДК 159.9.019+167

Литвиненко И. Ю.

СОВРЕМЕННАЯ МЕТОДОЛОГИЯ КАК МЕТАФОРИЧЕСКИЙ РЕЗУЛЬТАТ ЗАПАДНОЙ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ ВОСТОЧНОЙ МУДРОСТИ

Представлен метафорический взгляд на воображаемую «рационализацию» монады «инь-ян», в результате чего получена универсальная методологическая конструкция из двух четырехуровневых треугольников, особым образом расположенных друг напротив друга. Такую конструкцию предложено назвать «контрапунктивный двойной тетрон». Показано, что классическая восьмикомпонентная модель *A* также является контрапунктивным двойным тетроном

Ключевые слова: соционика, философия, методология, контрапунктивный двойной тетрон, модель *A*.

В последние годы усиливается мода на сопоставление взглядов на мир — «восточных» и «западных». Чтобы охарактеризовать каждый из этих «полюсов», можно привлечь и соционический инструментарий.

Например, западная европейская научная традиция восходит, по установившемуся мнению, к рационализму Декарта. Похоже на то, что ее уместно поставить в соответствие не только чертам ТИМа $\square\blacktriangle$ (ЛИИ), но и в более общем разрезе — признакам из базиса Юнга «рациональность» и «логика». Как бы то ни было, в соответствие «Западной» познавательной традиции уместно поставить такие (вытекающие из указанных признаков) черты, которые следует вербализовать как **дискретность** и **дифференцирование**. Эти черты выбраны нами как апофеоз из целого ряда возможных, среди которых и порядок, и объективность, и логичность, и многие другие, известные опытным соционикам.

С определением черт «Восточной» традиции несколько труднее, однако их можно представить как противоположности вышеозначенным для «Западной» и не ошибиться. Таким образом, «Восточная» познавательная традиция — это **континуальность** и **интегрирование**. При этом ряд сопутствующих черт может быть не менее пространным, чем и в характеристиках «Запада». Это и целостность, и образность, и где-то даже загадочность и мистичность...

Нельзя сказать, что они полностью исключают друг друга, и дело здесь не только в современных тенденциях сближения, взаимного интереса и проникновения. В каждом из полюсов заключена его противоположность, по крайней мере, обозначена. В «Западной» традиции говорится и о континуальности, и об интегрировании. Другое дело, что здесь «познать» — значит проанализировать, выделить части, найти соотношение между ними, то есть, — как минимум, продифференцировать.

В свою очередь «Восточная» традиция обозначает зачатки дифференцирования. Попробуем предположить, что в этом случае наиболее уместной иллюстрацией восточной познавательной традиции является монада «Инь-Ян». На ней западному глазу видится «два в одном» или «одно из двух». Здесь срабатывает наиболее универсальный диалектический принцип — встречного движения: с одной стороны, единое делится на две части, с другой — две части соединяются в целое.

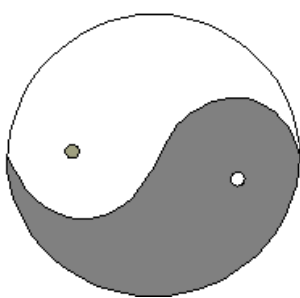
Также и в «Западной» традиции диалектика срабатывает в противопоставлении дифференцирования и интегрирования, в их «встречном движении».

Поскольку мы находимся в «Западной» познавательной традиции, которую принято называть научным познанием, попытаемся применить ее как методологию к «Восточной». При этом не избежим некоторой метафоричности, заявленной в заглавии статьи. Это будет

выражаться в том, что мы восточный образ мыслей, заключенный в таком символическом образе как монада, подвергнем западной рационализации.

В этом нам поможет отточенный Западом инструмент — законы диалектики и принципы системного подхода. Следует попутно заметить, что похожая попытка (только не такая подробная) была предпринята в моей статье «Фундаментальность модели *A* — синтез формального и содержательного в системном подходе» [2].

Начать применение рациональной установки к рассмотрению монады с ее самых «начал», — и здесь речь должна идти о **точке**. Символический смысл ее трудно переоценить. В математике она входит в набор фундаментальных и неопределяемых понятий.

Для нас же в ее характеристиках ценным будет следующее, а именно — то, что можно обозначить терминами «единичное» и «неделимое». Также в методологическом плане важным будет и то, что точка рассматривается как исходный пункт, начало процесса или целостного фрагмента.

Применяя основные законы диалектики, получаем вот что: как только мы в рассмотрении процесса «сдвинулись с точки», оно обретает новое качество. Точка перестает концентрировать в себе весь взгляд, ее становится видно в более широком контексте. Такое изменение рассмотрения, причем скачкообразное, необходимо закрепить каким-либо образом и в плане методологического инструментария. В соционике речь идет о «добавлении параметра» для элементов модели *A*. Похоже на то, что этот методологический путь является довольно универсальным. Два параметра знаменуют как раз то, что движение началось. Две координаты, например, задают **плоскость**. В упомянутой статье [2] был использован прием, в котором целостная монада подвергалась разборке и растяжению, а ее «капли» распрямлялись до таких форм, которые напоминали кольца модели *A* (рис. 1-а).

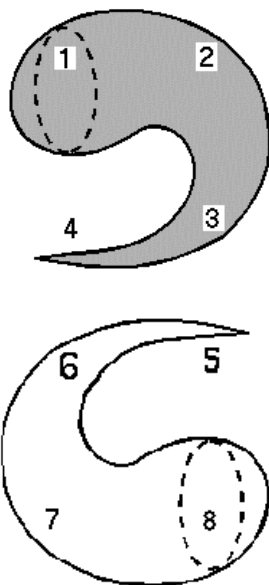

Рис. 1-а.

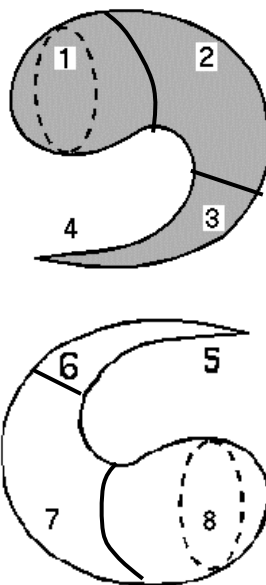

Рис. 1-б.

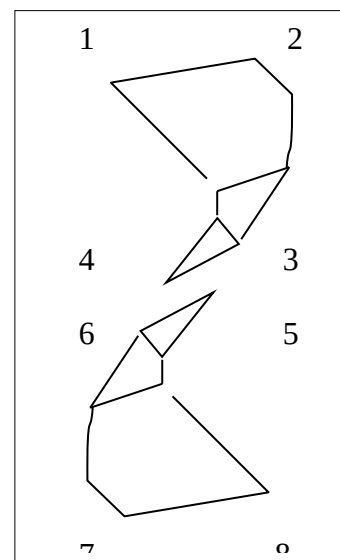

Рис. 1-в.

На каждой «капле» монады имеет смысл говорить о том ее фрагменте, высотой которого можно пренебречь. На каждой капле эти фрагменты разделим прямыми линиями — поблизости от цифр 3 и 6 (рис. 1-б).

Мировоззренчески и методологически в этом фрагменте имеет смысл говорить о «плоском» или «плоскостном» мышлении, методе проб и ошибок, первичном рассмотрении

явления как нового и загадочного. Кроме того, что оно в принципе бывает, можно вести речь и о «динамических» его характеристиках — насколько часто оно бывает и насколько интенсивны его проявления. В принципе, это вполне формально-количественные характеристики. Любой преподаватель, принимавший экзамены у нерадивых студентов, сталкивался с такими примерами — сдающий пытается описывать внешние проявления; говорит, что «хорошо, когда оно есть, а когда нету — плохо» (такие ситуации даже пародируются сатириками); но вопрос «что это в принципе?» остается без ответа, если не выходить за рамки этого уровня. Раз уж мы затрагиваем соционические параллели, то второй параметр в модели *A* — *нормы*; и максимально, на что «он способен», — это дать название явлению.

Но название — это еще не определение. Для этого требуется «объемное мышление» в методологическом плане. Даже в таких характеристиках определения, как «родовой» и «видовой» признаки, уже содержится вложенность уровней, поскольку родовой признак указывает принадлежность определяемого к его ближайшей надсистеме, обозначая ее; а видовой — наоборот, показывает его как один из ее компонентов, обозначая отличие от других «таких же».

Графически на рисунке этому должно соответствовать нечто объемное и довольно четкое. На рис. 1-б рассмотрим усеченный конус, несколько изогнутый, отграниченный линией между цифрами 1 и 2 (7 и 8). К такому соответствию можно относиться по-разному: И.С.Чурюмов, например, усматривает в этом пустую иллюстративность, а Г.А.Шульман мог бы сказать о неизбежном проявлении «закона красоты» или еще какого-нибудь из приведенных в его книге методологических принципов.

Оставшаяся область напоминает сферу — это не просто «объем», а «объем с претензиями», причем на всеобъемность. На рис. 1-а и 1-б сферичность обозначена пунктиром вокруг цифр 1 и 8. В модели *A* речь идет о добавлении параметра *глобальность*. В методологическом плане речь должна идти о поиске наиболее общих контекстов для рассмотрения чего бы то ни было, внутри которых и располагались бы определяемые понятия для его дефиниции.

На этом этапе рассуждений обратим внимание на то, что усложнение познания происходит скачками — в нем происходят качественные изменения; что-то похожее присуще модели *A*, где таким скачкам соответствует добавление параметров.

Еще раз обозначим кратко эти скачки: фиксация явления и разговоры о нем → наименование явления → определение явления (получение понятия) → помещение понятия в более широкий мировоззренческий контекст.

Такая дифференциация присуща в большей мере западному познанию; а в восточном она не эксплицируется, в то время как «капли» монады утолщаются. Наше утверждение здесь об отсутствии дифференциации на пути познания в восточном способе является умозрительным и вполне «спекулятивным», — возможно, и даже наверняка существуют восточные учения, где обозначены каким-либо образом ступени в познании. Возможно, они относятся к уровню компетенции ученика, а потом и учителя...

Что можно утверждать однозначно, так это наличие сложившейся «западной» традиции, предписывающей дифференцировать что бы то ни было; предписывающей настолько неотвратимо, что без этого познание недотягивает до статуса «научного».

Двигаясь дальше в наших размышлениях, остановимся на соотношении между «каплями» монады. Кажется, для восточной мудрости было самоочевидным, что черная точка находится внутри самого утолщенного участка белого поля (и наоборот). В западной диалектике речь должна идти о том, что *единичному* должно соответствовать *всеобщее*.

Необходимо ли какое-либо обоснование или доказательство этому положению? Можно ли считать таковым самоочевидное утверждение в форме словосочетания «мир един»? Действительно, если речь идет обо всем сущем, то кроме него ничего и нет.

Следующий вопрос — на сколько «частей» продифференцированы «капли» монады?

Здесь мы несколько отойдем от ее образа и постараемся поискать ответ в умозрительных мировоззренческо-методологических рассуждениях. Категории диалектики *единич-*

ное/всеобщее образуют пару противоположностей (не зря они записаны здесь в такой форме — через наклонную черту и курсивом) [3]. Исходя из закона диалектики о единстве и борьбе противоположностей, можно утверждать, что любое нечто имеет свою противоположность (о чем было подробно написано в числе прочего в моей статье «Основные законы философии: критика и альтернатива» [1]).

Какое единство составляют указанные противоположности? Похоже на то, что они имеют абсолютный характер. Значит, нужно искать другую пару противоположностей, которые имеют, наоборот, — относительно-сопоставительный характер. И это пара *общее/частное* [3]. Всегда можно сказать, что какое-то нечто — более общее, чем другое (конечно же, в случае разноуровневых явлений). Кроме относительности, здесь попутно констатируется и вложенность, которая, таким образом, становится сквозной для всех четырех категорий, которые теперь можно перечислить в порядке вложенности и уменьшения общности: *всеобщее* → *общее* → *частное* → *единичное*.

Для схематизации этого вложенного ряда поступим еще более «по-западному»: в равнобедренном треугольнике выделим четыре слоя равной толщины. Остатки подобия «расправленной монады» изобразим на рис. 2-а; рядом на рис. 2-б поместим уже предельно рационализированную схему из двух четырехслойных треугольников, стоящих друг напротив друга, демонстрирующих таким образом противонаправленность «утолщения».

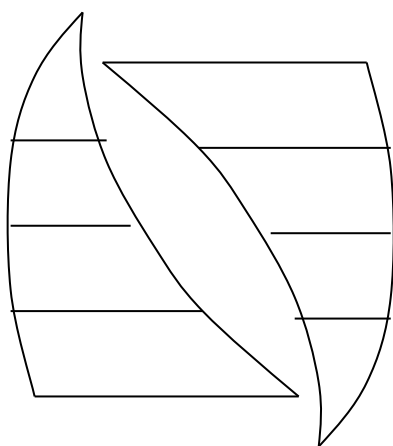

Рис. 2-а.

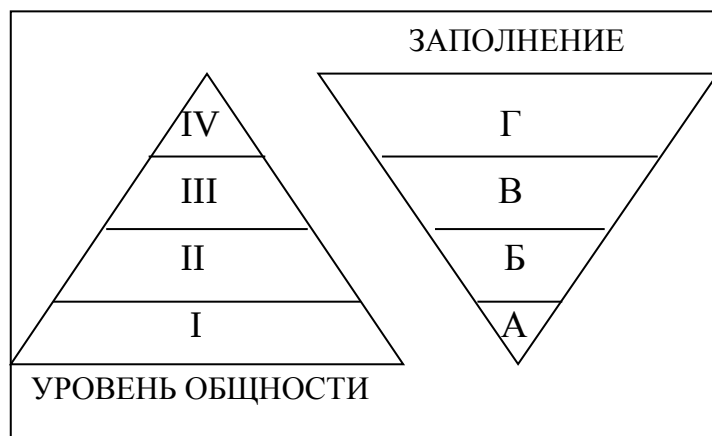

Рис. 2-б.

Такая конструкция имеет не меньшую, чем восточная монада, методологическую (в плане организации познания мира) универсальность. Добавляя к этому преимущества западной «рационализации», получаем весьма уместную и «применибельную» в нашей картезианской познавательной традиции модель, которую назовем именно исходя из графических ассоциаций **«Контрапунктивный двойной тетрон»**.

В нем необходимо сделать уточняющие обозначения. Итак, понижение общности, иллюстрируемое уменьшением расстояния между боковыми ребрами треугольника, задает формальную сторону (и это обозначим римскими цифрами I — IV для уровней в левом треугольнике). А буквами (от А до Г) обозначим заполняющие уровни в другом, противонаправленном треугольнике, символизирующие расширение проявлений, увеличение разнообразия при переходе на каждый последующий уровень. Обозначим его словом «заполнение», довольно условно — в том смысле, что на каждом уровне располагается нечто, его конкретизирующее.

Можно привести несколько примеров того, как заполняются содержательно формальные уровни тетрона.

Во-первых, собственно **модель А**. Изменение мерности ее элементов уже была показана, осталось упомянуть, что параметры «вход» и «выход» выглядят в ней с учетом дуальности, давая в сумме число 5. Первая ФИМ в модели — четырехмерна на выходе и одномерна на входе; а пятая ФИМ — наоборот, одномерна на выходе и четырехмерна на входе, то есть элементы 1, 2, 3, 4 «находятся напротив» элементов 5, 6, 7, 8.

Во-вторых, рассуждения об **устройстве мира** тоже дают своеобразный вариант заполнения тетрона. На *всеобщем* уровне располагается все элементарное — неделимые частицы, минимальные величины пространства и времени. На *общем* — целесообразно расположить атомы; на *частном* — молекулы химических элементов и веществ. На единичном — физические смеси веществ, как они встречаются в реальности.

В-третьих, **методологические уровни**, которые могут быть обоснованы с помощью тетрона. *Всеобщий* уровень заполняет мировоззрение. Так называемые онтологические категории на этом уровне подлежат констатации — существуют *вещи*, их *свойства* и *отношения*. Как только они становятся ориентирами для познания, обретают методологический статус, — происходит «переход» на *общий* уровень общенаучной методологии. Он заполняется наиболее адекватно системным подходом, тогда указанные категории получают еще и «перевод» на язык системного подхода, в первую очередь — компонент и связь. Новое качество в методологии появляется при выходе в предметную сферу частных наук, и тогда уже компонент системы конкретизируется явлениями и понятиями соответствующей области познания. Таким образом, на *частном* уровне располагается частнонаучная методология. Наконец, инструментарий единичных исследований, как правило — эмпирических, занимает уровень *единичного*.

В-четвертых, если в предыдущем примере говорить о своеобразном ракурсе качественных скачков при переходе на каждый последующий уровень, то можно получить систему ориентиров для познания, по крайней мере — в гуманитарной сфере. Эти ориентиры можно назвать **качественными эталонами**, а применять их как то, чему ставится в соответствие явление или понятие. Таким образом, на *всеобщем* уровне указанные выше онтологические категории становятся элементными эталонами, которым ставятся в соответствие определенные комплексы из предметной сферы многих наук. Добавив к этому категории *покой/движение* как не менее универсальные, отражающие форму бытия, получаем базис из трех парных категорий, известных своими соционическими аналогами: *тело/поле*; *внешнее/внутреннее*; *статика/динамика*. Эти эталоны предлагается назвать элементными.

Совершая конкретизацию при переходе на *общий* уровень, получаем совокупность информационных аспектов, которые могут быть представленными как системное соединение значений тех эталонов, которые занимают предыдущий уровень. Их предлагается назвать компонентными.

Далее, как известно, совокупность аспектов образует в реальных процессах своеобразную иерархию, которая описывается соционической моделью **А**. Этим закрепляются типы информационного метаболизма, которые, как известно, являются в первую очередь сущностью индивидов (или других целостных явлений). Значит, эти эталоны можно назвать таксономическими.

На уровне *единичного* появляются всевозможные информационные комплексы, содержащие в себе эталоны предыдущих уровней, образующие их своеобразную суперпозицию. Их поэтому можно назвать интегральными. Среди них свое место по достоинству занимают аспекты блоков ценностей квадранта, аспекты «клубной» специализации.

Похоже на то, что подобным образом уместно осуществить построение соционики как частной науки — из бинарных признаков аспектов образуется их совокупность, причем этими признаками как раз и определяется их семантика; соответствующие функции собираются в ТИМы, образуя социон; за этим следует применение соционики — идентификация ТИМов и практические рекомендации с учетом единичных «перекосов»: подтипов, акцентов; коммуникативных моделей и ситуативных масок.

По крайней мере, в таком движении не только соблюдается принцип «от общего к частному» — он универсализируется до тетрады «от всеобщего через общее и частное — к единичному».

Даже если исторически развитие соционики шло не по такому сценарию, то теперь, учитывая ее содержание и современные достижения, целесообразно выстраивать ее научное здание именно таким образом.

Что же касается монады и тетрона, то это методологические иллюстрации одного и того же, но с противоположными установками познания — на интеграцию и целостность, с одной стороны, и дифференциацию и дискретность — с другой. Таким образом, сходства в этих моделях больше, чем различия, что находится вполне «в духе времени» XXI века.

Л и т е р а т у р а :

1. *Литвиненко И. Ю.* Основные законы диалектики: критика и альтернатива // Соционика, ментология и психология личности. — 2005. — №2.
2. *Литвиненко И. Ю.* Фундаментальность модели «А» — синтез формального и содержательного в системном подходе // Соционика, ментология и психология личности. — 2001. — №5.
3. Марксистско-ленинская философия. Диалектический материализм. Изд. 2-е, доработ. / Ред. коллегия: А. Д. Макаров и др. — М.: Мысль, 1971. — 335 с.

Статья поступила в редакцию 19.01.2015 г.